

Враги сходятся на узкой тропе — именно об этом подумал Ситу Кун, когда они столкнулись лицом к лицу.

Он криво усмехнулся:

— Отличный сувенир на память. Теперь я тебя точно не забуду.

«Неужели?» — мысленно отозвался Шангуань Цицзе. Память для этого человека всегда была непозволительной роскошью, а уж способность запомнить кого-то конкретного — и подавно.

В узком коридоре стояла удушливая жара, а вагон-ресторан был забит под завязку. Ситу Кун предложил перебраться в другое бронированное им купе, но Цицзе отрезал: двоим мужчинам уединяться негде.

В итоге они остались на стыке вагонов, в тамбуре. Стоило закрыть тяжелые двери с обеих сторон, как получался замкнутый мирок. Проводники и редкие пассажиры изредка нарушали их уединение, но атмосфера между ними была настолько натянутой, что даже самые прожженные любительницы двусмысленных намеков не заподозрили бы здесь ничего, кроме глухой вражды.

Они стояли по разные стороны площадки, молча затягиваясь сигаретой за сигаретой, и лишь изредка перебрасывались сухими, ничего не значащими фразами.

— Прошлый раз... спасибо тебе.

— Издеваешься?

— С чего бы?

— А я-то думал, ты до сих пор зубами от злости скрипишь, — Ситу Кун ядовито прищурился.

— На своего спасителя?

— Я покалечил твою руку, а ты меня не сдал.

— А...

Цицзе нахмурился, делая вид, что пытается что-то припомнить.

— Начни я стрелять, ты бы меня точно прикончил, верно?

— Без сомнений.

— Но это ведь совсем другое. Я бы просто защищался.

— Убийство есть убийство. И оправданий тут быть не может.

— Хм...

Ситу Кун посерьезнел, глубоко задумавшись.

— Не думал услышать от тебя такое... Ты ведь, должно быть, многих лишил жизни?

—...

Разговор зашел в тупик.

— И каково это — убивать? Что ты при этом чувствуешь? — Он явно не собирался отступать.

Шангуань Цицзе молча смотрел на собеседника, а в голове его зрел другой вопрос: «А что чувствуешь ты, когда ломаешь чужие жизни ради забавы?»

Но ответа не было. Настоящие чувства не облечь в слова, для них просто не придумали подходящего языка. А когда слова бессильны, остаются лишь поступки — слепые, необъяснимые, порождающие лишь новые сомнения и взаимную недоверчивость. Извечная ловушка, в которую попадают все, кто посмел довериться чувствам...

Поезд нырнул под сень густого леса. Свет за окнами померк, замелькали рваные тени, и в тамбуре сразу стало темно. Оба отвернулись к противоположным окнам, но пейзаж за стеклом не отличался разнообразием — лишь бесконечная стена деревьев. Молчание затянулось, пока его снова не нарушил Ситу Кун. Его голос звучал ровно и спокойно, но в нем все равно сквозила привычная надменность:

— Сколько тебе было, когда ты пошел в армию? На вид мы ровесники.

Цицзе проигнорировал вопрос. Он лишь глубже затянулся, надеясь, что молчание остудит любопытство попутчика. Но Ситу Куна это, похоже, только забавляло.

— Кем ты был раньше? Почему решил надеть форму?

Ни звука в ответ. Ни единого жеста. Солдат просто курил.

— Знаешь, ты совсем не похож на военного. Тебе не место в казарме.

«Да уж», — подумал Цицзе. Еще год назад он и сам представить не мог, что свяжет жизнь со службой. И уж тем более — что эта служба станет его концом.

— Хотя тогда, на Черном острове, ты был другим. Настоящий безжалостный убийца... Тот удар был на удивление профессиональным и жестоким.

«Жестоким? Нет, этого мало. Слишком мало».

— Так какой же ты на самом деле?

«Возможно, никакой».

Ситу Кун опустил взгляд на шрам, пересекающий его ладонь. Он снова двусмысленно и дразняще улыбнулся.

— Кстати, мы так и не представились как следует. Как тебя зовут?

Цицзе отвел глаза. Ему не хотелось гадать, что скрывается за этим взглядом — искренний интерес или скучающее равнодушие. Да и какая разница? Даже если он назовет себя, разве этот избалованный мальчишка удержит имя в памяти дольше, чем на пять минут?

Для него он всегда останется лишь безымянным прохожим.

— Ты слишком любопытен, — буркнул Шангуань Цицзе и резко развернулся, намереваясь поскорее покинуть это душливное пространство и убраться подальше от раздражающего попутчика.

— Надо же. Неужели это тоже государственная тайна? — раздался за спиной тихий, издевательский смехок.

Сделать он успел лишь шаг. Ситу Кун мгновенно преградил ему дорогу. Одним молниеносным движением он подсек его опорную ногу, заблокировав ступню, а вторую продвинул вперед, перекрывая Цицзе любую возможность для маневра. Тот замер как вкопанный. Эта полуобнимающая, угрожающая стойка мгновенно пробудила в Цицзе глухую ярость и инстинктивный протест.

Ситу Кун посмотрел хищно, по-волчьи остро. От него веяло пугающей уверенностью и силой.

— Не торопись. У меня к тебе дело. Серьезное.

Они стояли слишком близко. Если бы они были магнитами, Ситу Кун вел бы себя так, словно их притягивает разноименными полюсами. Его теплое дыхание касалось лица, а широкие плечи словно отсекали весь остальной мир, загоняя Цицзе в ловушку. От парня пахло дорогим, едва уловимым парфюмом, и это опасное сближение казалось неслучайным, грозя перерасти во что-то большее. Но Цицзе знал: их полюса одинаковы. Они могут только отталкиваться.

— Отойди от меня! — выплюнул Цицзе.

Реакция была мгновенной и неконтролируемой — сработали рефлексы. Он изо всех сил толкнул Ситу Куна в грудь. Тот, не ожидая такого напора, отлетел назад и глухо ударился лопатками о металлическую стену тамбура. Сам же Цицзе резко отпрянул, стремясь увеличить дистанцию до предела.

Потирая ушибленный затылок, Ситу Кун недоуменно нахмурился:

— Да что с тобой такое?.. Откуда столько злости?

Он посмотрел в противоположный угол тамбура. Цицзе забился в самый дальний угол, словно загнанный в ловушку зверь или ошетилившийся иглами еж. Он низко опустил голову, пряча лицо в тени, но Ситу Кун отчетливо видел, что юношу мелко трясет.

— Эй, ты в порядке? — Ситу Кун слегка прищурился. Он посмотрел с живым, хищным интересом. Неужели этот опасный солдат... боится его?

Дыхание Цицзе сбилось, но он изо всех сил стиснул зубы, пытаясь совладать с нахлынувшей слабостью. Ему меньше всего хотелось выглядеть жалко. С трудом вернув себе дар речи, он процедил:

— Говори, что хотел, и проваливай!

Голос сорвался на рык, похожий на предупреждающий лай разозленного пса. Он тяжело, прерывисто дышал. Это был чистый, первобытный страх, который Цицзе пытался замаскировать напускной агрессией. Но разве можно обмануть такого искушенного игрока, как Ситу Кун? Тот видел его насквозь.

— Погоди-ка... — Ситу Кун медленно двинулся вперед. В тесном тамбуре скрыться было негде, пара шагов — и он снова оказался вплотную к Цицзе. — До меня доходили слухи, что в казармах творится всякое... А с твоим смазливym личиком...

Он отвратительно-понимающе ухмыльнулся. Голос понизился до вкрадчивого, интимного шепота, заполнившего все пространство между ними. Ситу Кун протянул руку и кончиками пальцев коснулся бледной щеки юноши.

— Что, частенько приходилось «подчиняться» старшим по званию?

Цицзе дернулся, словно от удара током. Молниеносным движением он перехватил наглую ладонь у самого своего лица и сжал запястье Ситу Куна мертвой хваткой.

Он смотрел с первобытной яростью, обещая скорую и жестокую расправу.

— Убери клешни, сука. Я тебе руку сломаю и даже не поморщусь.

В его тоне не было ни капли блефа. Ситу Кун почувствовал, как кости в запястье застонали под чудовищным давлением. Еще одно мимолетное усилие — и сустав просто хрустнет.

Ситу Кун мысленно усмехнулся. Разница между профессиональным бойцом арены и подготовленным армейским убийцей была очевидной. Один учился побеждать по правилам на потеху публике, другой — выживать в кровавой бойне, где правил не существовало вовсе.

Но даже перед лицом явной угрозы Ситу Кун не утратил самообладания. Он демонстративно расслабил пальцы плененной руки, скользил взглядом по старому шраму на тыльной стороне ладони и небрежно бросил:

— Кажется, у этой руки личные счеты с твоей персоной. Рано или поздно ты мне ее все-таки оторвешь.

Шангуань Цицзе злобно оскалился. Его лицо потемнело от гнева.

— Я не шучу, ублюдок.

Ситу Кун лишь пожал плечами, сохраняя абсолютное спокойствие:

— Да расслабься ты. Не нужен ты мне, больно надо.

— Хм!

Цицзе брезгливо отшвырнул его руку и отвернулся, пытаясь скрыться в полумраке тамбура. Но в этот момент состав вырвался из лесной чащи на открытое пространство. Яркий дневной свет хлынул сквозь стекло, безжалостно очертив его резкий, исхудавший силуэт.

— Ближе к делу, — грубо оборвал Цицзе, теряя последнее терпение.

Ситу Кун тоже перестал паясничать. Он прислонился к противоположной стене и посмотрел в окно. За стеклом расстилались бескрайние изумрудные поля, среди которых изредка мелькали

аккуратные загородные виллы.

— Изначально я планировал устроить тебе небольшой отпуск. Но планы изменились. Возникли непредвиденные обстоятельства, — спокойно произнес он. — Через десять минут поезд сделает остановку на узловой станции. Мы выходим там.

Цицзе недоуменно уставился на него, пытаясь прочесть хоть что-то в глубине этих непроницаемых льдисто-голубых глаз.

Штаб Восточного военного командования • Центр управления воздушной обороной

Тяжелые лопасти серого армейского вертолета с оглушительным ревом рассекали воздух, поднимая на взлетной полосе настоящую бурю.

Хо Бижо уверенно шагала навстречу ураганному ветру. В руке она сжимала тяжелый зеленый кейс с армейской маркировкой и неповрежденными сургучными печатями на стальных замках.

Свинцовые тучи заволокли небо, предвещая скорую грозу. По обе стороны взлетной полосы замерли ровные ряды боевых самолетов, а в самом центре, на размеченном белом круге, ревел двигателями вертолет. Хо Бижо прибавила шаг. Ветер нещадно трепал ее волосы, но спина оставалась безупречно прямой, а на лице не было и тени улыбки.

Стоило ей подойти к распахнутой двери кабины, как стоявший там молодой офицер вежливо склонил голову. Она сняла темные очки и криво усмехнулась:

— Такая рань. Я думала, вы проспите, подполковник.

— Я никогда не опаздываю, капитан, — отозвался Лань Хуае. Подтянутый, в идеально отглаженном мундире, он держал в одной руке хлыст, а вторую галантно протянул женщине, помогая подняться.

Она лишь презрительно фыркнула:

— Мы на военном объекте, а не на светском рауте.

Проигнорировав протянутую ладонь, капитан Хо легко и привычно взбежала по трапу. Она была женщиной, но прежде всего — профессиональным солдатом, прошедшим суровую школу выживания.

Лань Хуае, не так давно сменивший погоны майора на подполковничьи, всегда вел себя как истинный аристократ — безупречно вежливый, элегантный и невыносимо высокомерный. Прирожденный баловень судьбы, выросший в роскоши, он органически не переносил плебеев. Его гордость граничила с безумием, а поражений он не признавал в принципе. Именно поэтому Цзюньвэнь Исюань всегда был для него как кость в горле.

Невозмутимо опустив руку, Лань Хуае ничуть не обиделся.

— Если бы вы знали, в какой строгости меня воспитывали, то поняли бы: для меня это естественная манера поведения, а вовсе не рисовка.

Он поднялся следом и сел рядом с Хо Бижо, словно намеренно сокращая дистанцию.

Хо Бижо едва заметно усмехнулась.

— Один черт, — отрезала она, поворачиваясь к новому командиру, назначенному всего два месяца назад. — Ваше детство меня не интересует. И я настоятельно прошу вас не лезть в мою личную жизнь.

— Разве я лезу? — Лань Хуае изобразил предельное недоумение. — Проявлять заботу о подчиненных теперь считается преступлением?

— Оставьте эти сказки для дурочек, — холодно процедила Хо Бижо. — Цветы, дорогие побрякушки, вечерние платья... Думаете, я не понимаю, к чему клонит господин подполковник? Не смешивайте службу со своими капризами. От ваших ухаживаний меня с души воротит.

— Вот как? — Лань Хуае лишь снисходительно улыбнулся. Он никому бы не позволил взять над собой верх, а уж тем более показать, что его задела за живое. Он еще сильнее задрал подбородок — едкие слова капитана никак не поколебали его нарциссической уверенности. — Что ж, у каждого свои методы работы. И указывать мне я тоже никому не советовал бы.

Напряжение между ними росло с каждой секундой. Было очевидно, что этот полет не принесет удовольствия ни одному из них. Вертолет оторвался от земли, покинул территорию базы и на предельной скорости понесся над бескрайней гладью Внутреннего моря Туманной Луны. Встроенный коммуникатор подполковника разрывался от непрерывных вызовов — рапорты, запросы и донесения сыпались один за другим, требуя мгновенных решений.

Хо Бижо тоже времени зря не теряла. Она со щелчком открыла кейс. Внутри, в плотном поролоне, покоились разобранные детали новейшей реактивной дальнобойной снайперской винтовки и восемь коробок со специальными патронами — по шестнадцать штук в каждой. Капитан достала прикрепленный к крышке технический отчет и углубилась в чтение.

— Оружие проходило полевые испытания? — строго поинтересовался Лань Хуае, закончив очередной разговор и отложив гарнитуру связи.

— Нет, — сухо бросила Хо Бижо. — Времени на тесты не было.

— Вы собираетесь использовать в боевой операции непроверенный прототип? — Подполковник Лань наложил ладонь на лежащий в кейсе ствол винтовки. — А если случится осечка? На кону судьба миссии.

Хо Бижо бесцеремонно смахнула его руку в сторону и ядовито усмехнулась:

— В этом и кроется разница между Первым и Вторым отрядами особого назначения, господин подполковник. Вы до сих пор к этому не привыкли?

— Мы не имеем права на ошибку, — Лань Хуае недовольно скривился. — Мне нужен гарантированный результат, а не лотерея.

— Не переживайте, я не настолько глупа, чтобы подставлять командование таким банальным способом, — парировала Бижо и вновь уткнулась в документы.

Подполковник открыл было рот для ответа, но коммуникатор снова затрещал:

— На связи.

— Господин подполковник, группа вышла в сектор SR. Весь личный состав в полной боевой готовности. Прием.

— Ждать дальнейших указаний.

— Вас понял. Конец связи.

Справившись с делами, Лань Хуае снова повернулся к Хо Бижо, не упустив возможности уколоть ее:

— И все же, полагаю, даже вы не станете рисковать жизнями своих людей ради глупого упрямства.

Лицо Хо Бижо помрачнело. Она уставилась в иллюминатор на простирающийся внизу океан, и перед ее мысленным взором возник образ черноволосого мальчишки, который вечно лез на рожон, не щадя себя.

Этот невыносимо упрямый дурак сейчас, должно быть, трясется в скоростном поезде, пытаюсь изображать обычного туриста.

— Мы привыкли ставить на кон собственные жизни, — тихо, но твердо произнесла она. — Вам этого не понять.

В ее словах сквозила не столько издевка, сколько глубокая, невыразимая горечь. Мало кто в их мире мог распоряжаться собственной судьбой — суровая правда жизни, от которой хотелось выть. Но пока человечество живо, войны не прекратятся, а значит, эта безысходность вечна.

Однако, к ее удивлению, подполковник ответил ей тем же задумчивым тоном:

— Я тоже способен пожертвовать собой ради других, капитан. Мы с вами в одной лодке.

Он мягко и непривычно тепло улыбнулся, стирая на мгновение маску холодного высокомерия.

— Нет. Не в одной, — жестко отрезала она, упорствуя в своем отчуждении и даже не заметив, что собеседник выглядел искренне грустным.

Вновь ожила рация:

— Докладывает ТЕА-МС03!

— ТЕА-МС03, слушаю вас. Доложите обстановку.

— Сближаемся с группой «Е» для объединения сил. Ждем дальнейших распоряжений.

— Действуйте по плану «А».

— Вас понял! Конец связи.

И тут же в эфир ворвался другой голос:

— Докладывает ТЕА-МС16! Фаза «А» успешно завершена, приступаем к выполнению фазы «Б». Прием.

— Отлично. Продолжайте работу. О любых отклонениях докладывать незамедлительно.

— Вас понял! Конец связи.

Стоило признать: в кресле командующего Лань Хуае действовал хладнокровно и профессионально. Как тактик он был великолепен. И все же для бойцов Первого отряда особого назначения он никогда не сможет стать заменой полковнику Рейасу. Сколько бы подполковник Лань ни демонстрировал безупречную собранность и рвение, ветераны отряда признавали лишь одного командира — Рейаса.

Хо Бижо захлопнула папку с отчетом и взглянула на часы. Девять часов тринадцать минут утра.

— Пока все идет как по маслу.

— Рано расслабляться, — отозвался Лань Хуае, не отрывая взгляда от виртуальной карты.

Он нахмурился, глубоко погрузившись в расчеты. Бижо поймала себя на том, что исподтишка разглядывает его профиль. Тонкие, породистые черты лица, безупречная осанка, струящиеся волосы цвета морской волны, глубокие сапфировые глаза. На нем был идеально сидящий зеленый мундир и форменная фуражка, которую другие офицеры обычно забрасывали в угол при первой возможности. Если бы он почаще держал рот на замке, она, возможно, находила бы его общество вполне приятным — в конце концов, тяга к прекрасному свойственна всем людям.

— Вы намеренно отправили младшего лейтенанта Шангуаня на другое задание, отстранив его от этой операции, — с укором произнес он. — Могли бы хотя бы рапорт составить, для приличия.

— Его лично пригласил Ситу Кун. Мы не можем портить отношения с кланом Ситу, — спокойно ответила Хо Бижо. — К тому же без поддержки инженеров пилот не сможет запустить АРЕ. Даже если бы он остался, толку от него в этой миссии было бы немного.

— Ха... Уже два месяца прошло, как этот тип дезертировал, — семнадцатилетний подполковник надменно и почти по-детски усмехнулся. — Без него Шангуань Цицзе — просто бесполезный хлам!

Хлесткий удар.

На бледной щеке подполковника медленно проступил багровый след от ладони. Он замер, уставившись на подчиненную широко распахнутыми от изумления глазами.

Капитан Хо Бижо тяжело дышала, она смотрела с яростью.

— Вы можете отдавать ему приказы, подполковник, но оскорблять его я вам не позволю!

Эта пощечина была прямым нарушением субординации, тянувшим на трибунал. Однако Лань Хуае лишь молча смотрел на нее, так и не найдя слов.

— Он лучший боец Первого отряда особого назначения, — ледяным тоном продолжила Хо Бижо. — И если из-за ваших амбиций с ним что-то случится, клянусь, я этого так не оставлю.

Похоже, удар задел его самолюбие сильнее, чем показалось на первый взгляд. Лань Хуае отвернулся к окну, пряча уязвленный взгляд, в глубине которого сквозила горькая обида.

— Держите свои эмоции при себе, капитан, когда идет операция, — глухо произнес он. — Спишем этот инцидент на нервное напряжение. Я сделаю вид, что ничего не произошло.

Весь его аристократический лоск и напускное дружелюбие испарились без следа. Лицо подполковника словно превратилось в ледяную маску, от которой веяло неподдельной угрозой.

— Но как только мы вернемся на базу, извольте положить мне на стол рапорт с объяснением ваших действий объемом не менее пяти тысяч слов. И еще... — В отражении стекла иллюминатора Хо Бижо встретила с его ледяным взглядом. — Мой интерес к вам как к женщине вовсе не означает, что я стану терпеть подобные выходки.

Он зловеще и холодно усмехнулся, и кабина вертолета погрузилась в тяжелое, гнетущее молчание.

Одни становятся рабами своих чувств, другие — пытаются подчинить их своей воле, превращая в инструмент манипуляции. Но кто из них на самом деле имеет право говорить о любви? И понимает ли хоть кто-то из них, что это слово означает на самом деле?

Хо Бижо молча смотрела в окно. На горизонте клубились тяжелые, черные как деготь грозовые тучи, стремительно надвигаясь на вертолет.

Буря была неизбежна.

<http://bllate.org/book/18305/1758986>